

[1]

2 июля

**Публичное слушание по делу о смерти
мистера Джеймса Макгрея, эсквайра,
и его супруги Амины Макгрей
(в девичестве Дункан)
в шерифском суде Данди**

Доктор Клоустон неохотно вышел вперед. В зале стояла загробная тишина, и его шаги прозвучали оглушительно. Руки у него дрожали, и он сжал их в кулаки, чтобы не выдать волнения. Взгляды присутствующих, все как один неприязненные, сверлили его так, словно убийцей был он сам.

С высоко поднятой головой он дошел до свидетельской скамьи, принес присягу и сел дожидаться, пока к нему подойдет прокурор.

Тот же, совершенно лысый, с черепом, блестящим как полированный мрамор, явно не спешил: перекладывал и изучал свои бумаги, не придавая внимания тому, что весь зал замер в напряженном безмолвии.

Клоустон взглянул на молодого Адольфуса Макгрея, который только что дал показания. Ему

было двадцать пять, и он, рослый и широкоплечий, с волосами цвета воронова крыла, выделялся среди прочих слушателей. Бледный, как полотно, он разглядывал свою перевязанную ладонь, которую прижимал к груди. Рана на ней еще не до конца затянулась.

— Доктор Томас Клоустон, — внезапно произнес прокурор, от чего многие в зале суда вздрогнули, — из Эдинбургской Королевской лечебницы для душевнобольных.

Зачитывая должность доктора и гнусно при этом ухмыляясь, он приблизился к Клоустону. Тот заметил у прокурора во рту свинцовый зуб.

— Верно, это я, — сказал доктор, сразу же проникшись неприязнью к обвинителю.

— Можете поведать нам о событиях того вечера?

— Я здесь для того, чтобы дать показания о душевном состоянии мисс Макгрей.

— О, ну извольте уж, доктор.

— Я получил телеграмму, которая сообщала о том, что на мистера Макгрея и его жену было совершено нападение, — недовольно начал свой рассказ Клоустон. — Что они, к несчастью, погибли. Что сын их был ранен, а дочь пришлось запереть в спальне. Когда я прибыл на место...

— Нет-нет, доктор, — прервал его прокурор. — Расскажите, что происходило до того. Хотелось бы узнать, с чего в тот день все началось.

Клоустон фыркнул.

— О том, что случилось, мне известно лишь со слов сына мистера Макгрея и слуг. Не понимаю, как пересказ чужих показаний может...

— Будьте добры, — вмешался шериф со своего возвышения, — ответьте на вопрос прокурора. —

Слова «будьте добры» в его исполнении больше подходили на рык.

Клоустон откашлялся. Чем скорее он исполнит свой долг, тем быстрее все это закончится.

— Как мне рассказали, Адольфус и Эми, сын и дочь мистера Макгрея, вышли из дома в начале вечера. Погода была хорошая, поэтому, несмотря на время, они отправились кататься верхом. Через некоторое время они спешили, чтобы дать лошадям отдохнуть, и расположились на берегу небольшого озера, которое граничит с землями их имения. Некоторое время они беседовали, пока мисс Макгрей не сообщила о своем недомогании и...

— О каком именно недомогании?

— Опять-таки я всего лишь повторяю то, что...

— О каком?

Клоустон раздраженно потер усы.

— Ее брат сказал, что она жаловалась на головную боль и одышку. Она решила вернуться до...

— Одна?

— Да.

— В какой час это было?

— Полагаю, что перед закатом.

— Вы сказали, что они вышли в начале вечера. Вы считаете, что за это время они успели бы уехать достаточно далеко, чтобы лошадям потребовался отдых, затем побеседовать — и все это до наступления заката?

— Вы когда-нибудь слышали о солнцестоянии, мистер Пратт?

Весь зал грянул хохотом, и при звуке собственного имени у прокурора непроизвольно задергался рот.

— Просто мне кажется странным, — недобрый тоном произнес он, — что юная леди решила ехать

верхом одна по дикой местности, когда день уже, судя по всему, клонился к закату.

— Так ведь это были их владения. Девушка наверняка сотни раз ездила там в одиночестве.

— И она настояла, чтобы брат ее не сопровождал?

— Он только что сам об этом сказал — вы же его слышали.

— Юная леди плохо себя чувствует и отказывается от сопровождения, несмотря на подступающие сумерки. После чего впадает в неистовство и убивает двоих людей в собственном доме. Неужели такая ситуация не кажется вам подозрительной?

— Подозрительной?

— Она была в здравом рассудке, когда покинула брата, так?

— Да.

— Но спустя считанные минуты превратилась в безжалостную убийцу?

На этих словах Адольфус вскочил, впившись взглядом в прокурора. Тучный пристав, стоявший рядом, усадил парня на место. Уже не в первый раз за сегодня молодой человек терял самообладание.

Клоустон набрал воздух.

— Это исключительная перемена, но не немислимая. Увы, устройство человеческого разума все еще загадка для нас.

Прокурор кивнул, правда, с сардонической ухмылкой.

— То есть вы признаете подозреваемую невменяемой?

— Совершенно верно. Девушка находится у меня под наблюдением.

— И когда вы поместили ее в ваше, кхм, весьма уважаемое заведение?

— На следующий же день.

— Вот как?

— Да. Она представляла опасность и для себя, и для окружающих. Она напала на меня в нашу первую встречу.

— Ах, да, — сказал обвинитель, повернувшись к Бетси, приземистой старенькой горничной Макгреев, и Джорджу, их дворецкому в летах. — По словам этих слуг, вы приехали и одолели мисс Макгрей без каких-либо затруднений.

Клоустон надулся, чувствуя западню.

— Да. Так и было.

Прокурор усмехнулся.

— Девушке удалось убить двоих здоровых взрослых, нанести увечье брату, который, как все мы видим, тоже далеко не тростинка... и все же вы, доктор, остались невредимы.

Клоустон огладил свою длинную темную бороду.

— Все верно. Когда я прибыл на место, мисс Макгрей была изнурена от голода и обезвожена. Слуги заперли ее в спальне, и никто не отваживался к ней приближаться. Бедная девушка целый день ничего не ела и не пила. Она смогла поднять нож лишь на миг. Ринулась ко мне и упала в обморок.

Клоустон краем глаза взглянул на присяжных. Некоторые из них кивали.

— Она что-нибудь сказала? — спросил обвинитель. — Прежде чем лишилась сознания?

Этого-то момента все и ждали. Присутствующие вытянули шеи и наострили уши. Некоторые вылупили глаза. Слухи уже поползли, но все-таки

именно Клоустон был тем, кто слышал последние слова девушки.

— Напоминаю, доктор, вы под присягой, — наседали прокурор.

Клоустон взглянул на Адольфуса. Они обсуждали этот момент. В голубых глазах молодого человека читалась мучительная мольба. «Не говорите им», — казалось, заклинал он доктора.

Но он был под присягой...

Доктор сглотнул и выплюнул следующие слова:

— Она сказала: «*Я не сумасшедшая...*»

По залу пронеслись вздохи и шепотки. Обвинитель с победным видом прошагал к жюри присяжных.

— Девица сама заявила, что не безумна! И если она не безумна, то эти убийства следует считать...

— *Да что за бред вы несете!* — взревел Клоустон, вскочив на ноги. Его раскатистый голос заткнул рты всем присутствующим. — За последние двадцать лет я перелечил сотни пациентов. Девять из десяти заявляют, что они не сумасшедшие. Предлагаете мне поверить им на слово и выпустить всех на свободу, мистер Пратт?

Зал снова зашелся в хохоте, от чего лысина прокурора залилась пунцовым цветом. Клоустон продолжил, не дожидаясь, пока стихнет гвалт:

— Сразу после тех слов мисс Макгрей также сказала, что все это происки дьявола.

В мгновение ока смех превратился в ахи и вскрики ужаса. Вот что люди жаждали услышать. Вот что напечатали следующим утром во всех газетах Данди и Эдинбурга.

Клоустон бросил на Адольфуса встревоженный взгляд. Молодой человек, совершенно разбитый,

сидел, вцепившись в свою повязку здоровой рукой. Клоустон всем сердцем сочувствовал ему, но правда должна была прозвучать во всеулышание...

Он посмотрел на присяжных в упор.

— Мисс Макгрей, хрупкая девушка шестнадцати лет, обратилась против отца и матери, в которых души не чаяла, и убила их. Она буквально озверела, и ее пришлось связать и напоить успокоительным. Нет сомнений, что она была не в себе. Она... — Клоустон опустил взгляд, в голосе его зазвучала горечь. — Возможно, рассудок к ней уже не вернется.

Его слова надолго повисли в тишине, пока обвинитель не развеял ее, прицелкнув языком.

— До чего печальная история — и до чего неубедительная. Девушка должна предстать перед судом.

— *Что?* — взвыл Адольфус из зала.

В толпе раздались аплодисменты и ликование, кое-кто из мужчин возбужденно потирал руки. Юная девушка в суде — всегда увлекательное зрелище.

Прокурор заметил, что беспокойные присяжные шепчутся друг с другом, и язвительно добавил:

— Боюсь, что невменяемость девушки необходимо тщательным образом...

— *Ее невменяемость уже доказана!* — провозгласил Клоустон, обращаясь напрямую к шерифу и присяжным. — Сегодня утром я предоставил суду исчерпывающий отчет, и все вы можете с ним ознакомиться. Мой коллега из Инвернесса уже в пути, и я уверен, что он подтвердит мои заключения. Все они отвечают требованиям закона о невменяемости.

Обвинитель подкрался к нему, словно волк на охоте.

— И все это время вы будете прятать потенциальную убийцу в своем заведении?

Адольфус в очередной раз вскочил.

— *Ах ты кретин поганый!*

По сигналу шерифа двое приставов спешно вывели его из зала суда. Клоустон заговорил еще до того, как они скрылись за дверьми.

— А чего вы добиваетесь, мистер *Пратт*? Чтобы девушку привезли сюда, где ее выставят на посмешище? От этого не будет никакого толку — разве что вы утолите свое нездоровое желание посмотреть, как у всех на виду унижают беспомощное существо. — Он повернулся к шерифу и присяжным: — Все происходит по закону. Девушке здесь не место. Суду следует проявить к ней хоть каплю человеческого сострадания.

— А она с состраданием отнеслась к собственным родным?

В зале поднялась шумиха. Люди вставали, хлопали, свистели и требовали, чтобы девушка предстала перед судом. Они жаждали ее крови, ее чести.

Клоустон почувствовал, как к глазам подступают слезы ярости. Он представил себя и Макгреев дичью в клетке, окруженной сворой охотничьих псов, которые вот-вот сорвутся с привязей.

[III]

Цыганка, закутанная в темную накидку с капюшоном, остановилась у входа в паб. Она прикоснулась к двери ладонью, которую венчали выкрашенные в черный изогнутые ногти, но помедлила, прежде чем войти. Она огляделась по сторонам,

изучая Королевскую Милю. В этот час на мощеной улице было пустынно. Тишина стояла даже в кабаке.

— Хотите, с вами зайду? — предложил ее слуга, сидевший на козлах.

— Нет, — ответила цыганка. — Подожди здесь.

Она беззвучно ступила внутрь и осмотрелась. В помещении было очень темно, золотистое свечение исходило лишь от тлеющих угольков, а в воздухе висел густой дух дешевого эля — цыганка опознала в нем бражку собственного производства.

Посетителей в пабе было немного; кучка людей, состоявшая из главных пропойц Эдинбурга, нависших над своими кружками и стопками, и тех, кого тяготили такие пороки, какие не утопишь и в самом крепком напитке.

Наследника Макгреев заметить было нетрудно. Ее соглядатаи сообщили, что он завел привычку носить броский тартан, но, даже не будь на нем этих брюк, совсем не сочетавшихся с жилетом, она бы все равно узнала его по высокой, крепко сбитой фигуре — все газеты писали о нем.

Она думала, что застанет его в отчаянии — печальной тенью человека с налитыми кровью глазами, потягивающей из бутылки односолодовый виски. Но вместо этого детина всю обжимался с хозяйкой паба.

Они сидели в темном углу зала, переплетя конечности в тесном объятии, словно парочка осьминогов.

Цыганка направилась к ним, по пути хлестнув полой накидки самого пьяного из присутствующих